

НАЧАЛА БОГОПОЗНАНІЯ. 1)

Итакъ, братіе, нынѣ наша академическая семья снова предстала предъ лице Господа Своего молить Его о помощи въ нашемъ дѣлѣ и первѣе всего о томъ, чтобы Онъ послалъ намъ Святаго и Животворящаго Своего Духа, способнаго оживить обычно мертвыя для всякаго духовнаго дѣланія наши умныя силы. Конечно, о насъ съ вами могутъ сказать то же, что говорилъ нѣкогда св. Ап. Павелъ Евреямъ: *„должны суще быти учителя лѣтъ ради, наки требуете учитися“...* (Евр. 5, 12). Что-же, примемъ и это. Вѣдь все-же мы съ вами, вступая въ высшую духовную школу, хотимъ *„оставить начатки Христова слова и встись на совершеніе“*, а у совершенныхъ, для коихъ предназначена твердая пища, *должны быть, по слову того-же апостола, и чувства обучена долгимъ ученіемъ въ разсужденіе добра же и зла“* (Евр. 5, 14).

Такъ, братіе, кажется просто и само собою намѣчается основной принципъ и фундаментъ нашей жизнедѣятельности въ стѣнахъ этой школы, принципъ, какъ видите, по указанію св. Апостола, нравственнаго развитія и духовнаго совершенствованія. Вы спросите, почему же это такъ и причемъ тутъ нравственный принципъ и совершенствованіе? Потому, братіе, что союзъ нашъ въ стѣнахъ этой школы особенный, союзъ священный по тѣмъ цѣлямъ, кои онъ имѣеть, разумѣемъ высокую цѣль богословствованія и богопознанія.

Братіе, вдумывались-ли вы когда-нибудь серьезно въ это

1) Слово предъ молебномъ на начало учебныхъ занятій въ Академіи 2 сент. 1912 г.

свое званіе и призваніе? рѣшали-ли для себя вопросъ о томъ, имѣемъ-ли мы нравственное право называться богословами и имѣемъ-ли самую способность богословствовать? Вѣдь и въ обычной жизни каждый получаетъ право говорить о чемъ-либо и присваивать себѣ какое-нибудь спеціальное наименованіе только подъ тѣмъ условіемъ, если онъ дѣйствительно оправдываетъ дѣло этого своего званія личнымъ опытомъ и успѣхомъ въ этомъ дѣлѣ. Какъ же мы должны чувствовать себя въ нашемъ собственномъ званіи и дѣлѣ? Не посягаемъ-ли мы на очень высокое и не приписываемъ-ли себѣ недарованное, называясь богословами? Смотрите, какъ церковное сознаніе ограничиваетъ право на это высокое и почетное имя богослововъ. На протяжении вѣковъ церковной жизни мы можемъ насчитать съ вами цѣлыя сотни именъ великихъ отцовъ и учителей церкви, кои богословствовали, писали и оставили намъ богатство этого богословствованія въ духовное наслѣдство. И все же церковное сознаніе съ рѣшительной опредѣленностью высокое имя „богослова“ прилагаетъ только очень и очень не многимъ: на зарѣ христіанства къ св. Евангелисту Іоанну Богослову, въ періодъ золотого вѣка къ Григорію Богослову и позднѣе къ преп. Симеону, именуя его Новымъ Богословомъ. Кажется надъ этимъ намъ нужно подумать серьезно. Не значить-ли это, что въ богословствованіи есть нѣчто особенное въ смыслѣ его пути или метода? Не значить-ли это, что совершеннѣйшее достиженіе задачъ богословія открылось только въ этой троицѣ богослововъ, и если намъ съ вами, призваннымъ заняться богословіемъ, необходимо знать, что нужно для богослова и богословствованія, то конечно за рѣшеніемъ этого вопроса и нужно обратиться къ этимъ великимъ именамъ, коихъ церковное сознаніе почтительно высокимъ званіемъ „богослова“. Мы справедливо удивляемся высотѣ богословскихъ созерцаній апостола Іоанна Богослова, поражаемся и чедоумѣваемъ предъ тѣми тайнами, которыя онъ открылъ намъ въ Апокалипсисѣ, но кажется всего менѣе задумываемся надъ тѣмъ путемъ, который указываетъ намъ великій апостоль къ богопознанію.

Есть одна особенная черта въ характерѣ и нравственномъ обликѣ ап. Іоанна Богослова, особенно назидательная для насъ и примѣчательная: разумѣемъ ту нѣжную, чистую и

пламенную любовь къ Господу, которая еще при жизни Господа сдѣлала апостола Его напереникомъ, а потомъ сдѣлалась какъ бы исключительной его жизненной атмосферой, въ которую онъ желалъ вовлечь всѣхъ людей.

Вѣдь стоитъ раскрыть любую страницу его писаній, какъ увидимъ или призывъ имъ людей къ любви Бога и другъ друга, или раскрытіе любви Божіей къ людямъ. И стоитъ опять только вникнуть въ смыслъ этого призыва апостола къ любви, какъ ясно будетъ, что въ этой-то общей взаимной любви людей и въ любви къ Богу апостолье полагаетъ и истинную жизнь, и истинное вѣдѣніе и созерцаніе Бога.

„Богъ любви есть“, говоритъ апостолье, „и пребывая въ любви въ Богѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ“ (1, 4. 16); и кто любитъ Бога, тотъ знаетъ Бога (1, 4. 8), а любитъ Бога тотъ, кто заповѣди его соблюдаетъ (1, 5, 3). Вотъ завѣты апостола-богослова! И если поэтому мы искренно желаемъ осуществить цѣли нашего союза, искренно желаемъ достигъ богопознанія, то послушные словамъ апостола-богослова, должны идти къ этой высокой цѣли не инымъ какимъ-либо путемъ, какъ только путемъ нравственнаго развитія, путемъ единенія съ Богомъ чрезъ горячую любовь къ Нему и къ тѣмъ, кто носитъ на себѣ Его образъ. Этимъ именно путемъ шли всѣ тѣ, которые еще и доселѣ служатъ для насъ образцомъ богословствованія и пособіемъ въ познаніи безконечнаго.

Вотъ что говоритъ другой Великій Богословъ св. Григорій—„если хочешь быть богословомъ и достойнымъ божественнаго, соблюдай законы, божественными заповѣдями иди къ высокой цѣли, потому что дѣяніе есть восхожденіе къ созерцанію“. Здѣсь, какъ видимъ, указывается то же начало и тотъ же путь къ богопознанію, какой указывается и апостоломъ. И почему же въ самомъ дѣлѣ великіе отцы церкви и мужи высокой духовной жизни поражаютъ насъ глубиной богословствованія, необыкновенной ясностью въ уразумѣніи тайнъ откровенія и смысла Слова Божія? Не потому ли именно, что ихъ личная жизнь шла по тѣмъ законамъ, которые раскрыты въ Словѣ Божіемъ и что они чрезъ нравственную чистоту достигали тѣснѣйшаго общенія съ Богомъ, приобщались къ вѣчному царству истины и созерцали ее какъ бы лицомъ къ лицу.

Вѣдь если бы и мы смотрѣли на Слово Божіе не какъ на совокупность истинъ, открытыхъ въ интересахъ только человѣческой любознательности, а какъ на откровеніе высшихъ истинъ богоподобной жизни, какъ на откровеніе законовъ нравственнаго міропорядка, то само собой понятно, что и усвоеніе и уразумѣніе этихъ истинъ совершалось бы инымъ путемъ, чѣмъ это бываетъ обычно. Вѣдь не тайна для каждаго изъ насъ, что когда мы начинаемъ вникать глубже въ смыслъ словъ Св. Писанія, то эти наши попытки остаются почти совершенно напрасными и какъ бы какое-то покрывало мѣшаетъ намъ чистыми очами уразумѣвать сокровенный смыслъ Писаній. И это, конечно, потому, что „законъ (Божій) духовенъ, а человѣкъ плотянь, проданъ подъ грѣхъ“; и никогда, конечно, человѣкъ, живущій по закону плоти, не можетъ уразумѣть законовъ духовной жизни, жизни богоподобной, ибо, чтобы знать эти законы и постигать тайны этой духовной жизни, нужно приблизиться къ нимъ въ самой жизни и опытно познать ихъ. Вотъ почему и св. Симеонъ Новый Богословъ, разсуждая о способахъ уразумѣнія Слова Божія, сравниваетъ его съ запертымъ сундукомъ съ сокровищами. Этотъ сундучекъ можно бесполезно таскать на своихъ плечахъ и не достать сокровищъ, въ немъ хранящихся, если не имѣть къ нему ключа. Ключъ же къ духовному сокровищу, заключенному въ Слово Божіе одинъ: нравственная чистота и святость; вотъ почему и Слово Божіе, содержащее въ себѣ все богопознаніе, нужно изучать не столько умомъ, сколько чистымъ сердцемъ, способнымъ видѣть и Самого Бога. И въ самомъ дѣлѣ, не замѣчали-ли вы, братіе, сами, какъ въ минуты искренней и горячей молитвы, въ моменты особеннаго духовнаго подъема и слова Св. Писанія, и слова молитвы, и церковныхъ пѣснопѣній получаютъ какъ бы особенный какой-то смыслъ—высшій и духовный, какъ будто мы сами переживаемъ то самое, что говорится въ этихъ молитвахъ. Вотъ эти-то моменты духовнаго подъема и вводятъ насъ въ истинное уразумѣніе духовныхъ тайнъ, потому, конечно, что мы дѣлаемся ближе къ Богу, отрѣшаемся отъ міра грѣховнаго и духомъ своимъ приобщаемся къ высшему духовному міру истины.

Отсюда наша прямая и святая обязанность состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать это духовное настроеніе и какъ бы

ближайшее общеніе съ Богомъ, насколько возможно, постояннымъ.

Много, конечно, здѣсь потребуется труда и усилій, много борьбы съ тѣми грѣховными настроеніями, которыя какъ-бы цѣпями сковали нашу душу и ослѣпили умъ и сердце.

Но за то по мѣрѣ того, какъ будетъ обновляться нашъ внутренній человѣкъ, по мѣрѣ того, какъ мы въ личной жизни будемъ проводить тѣ законы жизни божественной, которые открыты намъ въ Словѣ Божіемъ, будетъ обновляться и нашъ взглядъ на Слово Божіе и тайны откровенія. Слова какъ бы оживутъ и одухотворятся, и мы будемъ слышать въ нихъ не невѣдомыя для насъ тайны, а живыя и очевидныя истины, ибо они будутъ находить отзвукъ въ нашемъ сердцѣ, въ нашемъ внутреннемъ опытѣ, который слагается по тѣмъ же законамъ высшей духовной жизни, о которыхъ говорить и слово Божіе. Не потому-ли такъ и говорить Св. Ап. Павелъ о правдѣ отъ вѣры: *„да не речеши въ сердца твоемъ: кто взыдетъ на небо; сиречь Христа свести; или кто снидетъ въ бездну; сиречь Христа отъ мертвыхъ возвести; но что глаголетъ Писаніе: близъ ти глаголь есть во утробѣ твоихъ и въ сердца твоемъ, сиречь глаголь въры, его же проповѣдуемъ“* (Рим. 10, 6—8), что имъ ясно мыслилось тожество глагола вѣры (откровенія) съ внутреннимъ закономъ жизни богоподобной личности человѣка, и отсюда устанавливался несомнѣнно и нравственный путь къ познанію всей правды отъ вѣры и всѣхъ истинъ этой вѣры.

Можетъ быть, вы спросите, какой же это законъ, который одинаково выражается и въ богоподобной личности человѣка и въ Словѣ Божіемъ и который одинъ только можетъ вести къ уразумѣнію Слова Божія. Это законъ любви, которая составляетъ по апостолу законъ жизни божественной и должна быть закономъ жизни человѣческой. Вѣдь если любовь психологически должна быть понимаема въ смыслѣ полнѣйшаго единенія всѣхъ людей между собой и съ Богомъ въ мысляхъ, желаніяхъ и настроеніяхъ, то само собой понятно, что эта любовь можетъ явиться неизсякаемымъ источникомъ къ познанію той высшей божественной жизни, къ которой она приводитъ человѣка. Не потому ли именно и Ап. Юаннъ созерцалъ дивныя тайны, что любовь, которую онъ пламенѣлъ къ Богу и которая ввела его въ ближайшее

общеніе съ Богомъ, открыла ему чрезъ это общеніе всѣ тайны бытія. Итакъ, братіе, прямая и ближайшая задача наша въ видахъ достиженія нами той высокой цѣли, во имя которой мы собрались, сводится къ выработкѣ въ себѣ путемъ нравственнаго развитія, путемъ борьбы со страстями, той любви, которая одна способна приблизить насъ къ Богу и открыть намъ тайны богословія. Не будемъ думать, что въ этомъ высокомъ дѣлѣ достаточно одной дисциплины ума, одного словеснаго краснорѣчія, а все остальное, т. е. и самое уразумѣніе истины и святые плоды ея придутъ сами собой. Не потому ли эта высокая истина остается безплодной и въ насъ самихъ и дѣлаетъ насъ бессильными въ приведеніи къ ней другихъ, что мы не знаемъ истины, а только говоримъ о ней, что мы не опознали опытно всю ея жизненную силу и другихъ тѣшимъ только краснорѣчіемъ. Вѣдь не тотъ проповѣдникъ истины поведетъ людей за собой, который выработалъ въ себѣ только искусство хорошо говорить, а лишь тотъ, кто самъ живетъ этой истиной и убѣжденъ въ ней, ибо только въ искреннемъ убѣжденіи кроется какая-то особая сила, которая способна тронуть самое грубое сердце. Вотъ почему еще и одинъ изъ древнихъ пророковъ весьма кратко, но ясно начерталъ тотъ же самый путь къ богопознанію, который указалъ и Апостоль, когда указалъ: „сѣйте у себя праведность, жните надежду жизни, засвѣтите у себя свѣтильникъ знанія“ (Ос. 10, 12). Нужно намъ сначала „сѣять правду“, т. е. распространять дѣятельное совершенство дѣлами правды, потомъ нужно пожинать „надежду жизни“, т. е. изгнаніемъ страстей собирать плоды добродѣтелей, и только тогда-то у насъ засвѣтится свѣтильникъ знанія. Аминь.

Е. Теодоръ.
